

УДК 94(470.326)"1917":316.44+316.343.623

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 Г. НА ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СРЕДНИХ СЛОЕВ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВА) *

Н. В. Стрекалова

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
кафедра российской истории, г. Тамбов

В сообщении представлена проблема социальной стратификации и мобильности средних слоев провинциального российского города в период революционных событий 1917 г. в России. Анализируются причины и направления мобильности «среднего класса» города в целом и отдельных его групп и страт, рассматривается влияние на этот процесс Первой мировой войны и революции 1917 г.

Ключевые слова: *социальная стратификация, социальная мобильность, социальная структура, средние городские слои.*

Революционные события меняют систему ценностей и ориентиров, сопровождаясь целым рядом социальных процессов (миграцией, социальной мобильностью и др.), меняют профиль и социальную структуру общества. Интерес вызывает вопрос о том, каким образом сказались революционные процессы на различных группах населения, в частности средних слоях провинциального города, и их конкретных представителях. Проблемы средних слоёв города в период революционных изменений 1917 г. рассматривались как в общих, так и специальных работах, посвящённых участию различных социальных групп в революционных процессах России¹.

* Исследование поддержано проектом П662 «Социальная динамика процесса экономической модернизации аграрных регионов России XIX – начало XX века (на материалах Центрального Черноземного региона)» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

¹ *Востриков Н. И.* Борьба за массы (Городские средние слои накануне Октября). М., 1970; *Гречкина Э. Р.* Средние слои на пути к социализму. Таллинн, 1976; *Степин А. П.* Социалистические преобразования общественных отношений городских средних слоев. М., 1975; *Булдаков В. П., Иванова Н. А., Шелохаев В. В.* Место и роль городских средних слоев в буржуазно-демократических и социалистических революциях // Вопросы истории КПСС. 1981. № 7. С. 14–28; *Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои / Бул-*

Заметный вклад в изучение городских средних слоев России начала XX в. и их участия в российских революциях внесли 3 научных симпозиума в Тамбове. По материалам двух из них вышли сборники статей². Проблемам политического поведения городских средних слоев Центрально-Черноземного региона в российских революциях посвящены исследования Л. Г. Протасова, Г. Н. Кавериной, В. В. Канищева, П. П. Щербинина³.

Отдельные аспекты проблемы нашли отражение в работах, посвящённых формированию структуры советского общества, положению отдельных его социальных групп⁴. Однако анализ историографии проблемы свидетельствует о том, что в большей степени исследованы социальные подвижки в средних слоях города, связанные с октябрьскими событиями 1917 г., в меньшей – с февральскими. Кроме того, большинство исследователей социальной динамики городских средних слоев России периода революционных потрясений анализируют, как правило, изменения, произошедшие с той или иной группой средних слоев (профессиональной или сословной) в целом, используя агрегированный материал. Массовые данные источников на локальном уровне (информация о нескольких тысячах представителей средних слоев провинциального российского города) позволяют рассмотреть вопросы социальной стратификации и мобильности средних слоев провинциального российского города в переломный период российской истории.

даков В. П., Иванов А. Е., Иванова Н. А., Шелохаев В. В. М., 1981; *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

² Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне: межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 1984; Городские средние слои в трёх российских революциях. Тамбов, 1989.

³ *Протасов Л. Г.* Городские средние слои на выборах во Всероссийское Учредительное собрание // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне: межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 1984. С. 46–57; *Каверина Г. Н.* Профессиональные союзы непролетарских слоев городских трудящихся Центрального Черноземья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – май 1918 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989; *Щербинин П. П.* Городские средние слои Черноземного центра в буржуазно-демократических революциях в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1992; *Канищев В. В.* Октябрьская революция и средние городские слои. Тамбов, 1988; *Канищев В. В.* Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Октябрь 1917–1920 гг. (по материалам центра России): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

⁴ Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917–1920. М., 1976; *Селунская В. М.* Социальная структура советского общества. История и современность. М., 1987; *Жиромская В. Б.* Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988; *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; *Ушаков А. В.* Интеллигенция в России периода буржуазно-демократической революции (Профессиональный и политический состав) // Революционные движения демократической интеллигенции в период империализма. М., 1987; *Красильников С. А.* На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998; *Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003; *Чуйкина С.* Дворяне на советском рынке труда (Ленинград, 1917–1941) // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы / под общ. ред. Тимо Вихавайнена. СПб., 2000. С. 151–192.

Для исследования этой проблемы в качестве основных были взяты персонифицированные источники, содержащие информацию о дореволюционном составе среднего класса Тамбова: Адрес-календари за 1912 и 1916 гг., списки избирателей в 3-ю, 4-ю и 5-ю Государственные Думы, окладные книги недвижимых имуществ за 1907, 1912, 1917 гг., а также «Списки граждан, имеющих право выбирать в Учредительное собрание» (по г. Тамбову на 1917 г.)⁵.

«Списки...» содержат информацию о возрасте, половой принадлежности, национальности, грамотности, месте жительства и, что особенно важно, о роде занятия (профессии) избирателей Тамбова в 1917 г. «Списки...» готовились в конце 1917 г. и отражают изменения, произошедшие с представителями средних слоев Тамбова на персональном уровне в течение революционного 1917 г.

Созданные на основе указанных выше источников персонифицированные, совместимые базы данных и последующая их обработка дали возможность провести анализ этих изменений. Сравнение было проведено как на основе совокупной информации баз данных, так и на основе отдельно взятых источников.

Любой человек занимает в обществе много позиций. Каждая из них, предполагающая определенные права и обязанности, есть «статус». Однако разделение признаков дифференциации общества на основные и второстепенные зависит от того, к какому типу стратификационных систем относится данное общество. «Характер социального расслоения и способ его утверждения в своем единстве образуют то, что мы называем стратификационной системой», – пишут В. В. Радаев и О. И. Шкаратан⁶. Социальная стратификация тесно связана с господствующей системой ценностей, формирующей «нормативную шкалу оценивания», на основе которой ранжируются и вознаграждаются виды деятельности человека. В разных стратификационных системах они различны.

Революционные преобразования изменили «ценностную шкалу», на основе которой проводилось социальное ранжирование в провинциальном российском городе в предреволюционное десятилетие. В частности, были отменены сословия, чины и титулы, что привело, в том числе, к изменению такого показателя, как самоидентификация того или иного конкретного человека. Так, ряд представителей средних слоев в графе «Профессия» списков избирателей в Учредительное собрание указали своё прежнее занятие с использованием прилагательного «бывший» («бывший городничий»,

⁵ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 17. Оп. 38. Д. 14. Л. 1–9 об; Оп. 38. Д. 20. Л. 7–15 об.; Оп. 43. Д. 7. Л. 1–10 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 317 а; Ф. 145. Оп. 32. Д. 5; Оп. 37. Д. 1–3; Оп. 40. Д. 1–6; Адрес-календарь Тамбовской губернии на 1912 г. Тамбов, 1912; Адрес-календарь и справочная книжка служащих Тамбовской губернии 1916 г. Тамбов, 1916.; ГАТО. Ф. 17. Оп. 53. Д. 1–4.

⁶ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация: учеб. пособие. М., 1995. С. 44

«бывший чиновник» и т. д.). Данная самоидентификация может служить косвенным подтверждением «невписанности» человека в систему новой социальной иерархии. Кроме того, такого рода самоопределение свидетельствовало не только об изменении его профессионального занятия, но и социального статуса в целом в новой системе социальных координат.

Например, в высших средних слоях, по данным конца 1916 г., в чине надворного советника значился Михаил Алексеевич Чековский – начальник губернской тюрьмы, проживавший в казённом доме при ней, а в списках в Учредительное собрание в графе «Профессия» он был уже указан как «бывший начальник тюрьмы». Потеряв предыдущую должность, он не приобрёл новой, а с учётом его предыдущего занятия (обслуживал «старый режим») испытывал определённые сложности в трудоустройстве. К тому же изменился и адрес его проживания, поскольку казённую квартиру при тюрьме он должен был оставить. Другой пример: Ольга Карловна Кемлер, по данным Адрес-календаря 1916 г., была указана почтово-телеграфным чиновником 3-го разряда (высокий разряд, особенно для женщины), а в «Списки...» она уже была внесена как «бывшая служащая на телеграфе». Адрес её местожительства также изменился. Губернский раввин Иоффе Лев Давидович в «Списках...» значился как «бывший раввин» и т. д.⁷

В провинцию преобразования традиционно доходили с некоторым опозданием, люди не сразу успевали перестроиться. Об этом свидетельствовали и данные по самоидентификации людей. Например, ряд избирателей Тамбова, внесённых в списки, в графе «Профессия» указали не «торговлю» (занятие), а «купец» (сословное звание).

Затруднительным представляется построение многомерной стратификации, поскольку для определения статусной позиции конкретного представителя необходимы дополнительные критерии, применявшиеся в новой социальной иерархии, введение дополнительных источников. Однако «Списки граждан, имеющих право выбирать в Учредительное собрание» (по г. Тамбову на 1917 г.) содержат два важных показателя, позволяющих идентифицировать конкретного представителя средних слоев Тамбова: профессия и имущество.

На основе совокупной информации сводной базы данных было выявлено, что из 9158 представителей средних слоёв и элиты Тамбова, хотя бы однажды зафиксированных источниками в предреволюционное десятилетие, при сопоставлении с информацией «Списков избирателей в Учредительное собрание» совпало 2799 человек, т. е. около трети от представителей имущих слоёв города. При этом совпало 43% от числа женщин, входивших в состав средних слоёв города по данным конца 1916 – начала 1917 гг., и всего лишь 19% мужчин – представителей данной социальной группы дореволюционного города.

⁷ ГАТО. Ф. 17. Оп. 53. Д. 1–4.

Анализ «Списков...» показал, что около 70% совпавших (на основе анализируемой выборки) представителей средних слоёв Тамбова остались в своей прежней «профессиональной нише». Этот факт, с одной стороны, можно расценивать как позитивный (в сложных условиях войны и революционных преобразований представители средних слоёв города сумели сохранить статусную позицию). Однако, с другой стороны, это же обстоятельство свидетельствовало о сложности социального продвижения в «смутное время», когда была разрушена старая система и не успела четко структурироваться новая.

Действительно, факты профессионального продвижения для представителей средних слоёв в исследуемый период – единичны. Например, Порфирий Фёдорович Истратов в Адрес-календарь 1916 г. по Тамбову был внесён как неимеющий чина землемер губернской землеустроительной комиссии, а в «Списках...» уже был указан как комиссар министерства просвещения. Адрес его места жительства также поменялся.

Большинство изменений было связано с понижением статуса (например, Богородицкая Лидия Александровна, по данным Адрес-календаря на 1916 г., числилась преподавательницей истории и географии, а в «Списках...» она была указана продавщицей) или с мобильностью горизонтального типа (например, учителя переходили на службу в другие учебные заведения, где они преподавали).

Часть представителей средних слоёв утратили прежние занятия и не приобрели новые: в графе «Профессия» представителей этой группы было записано «Без занятий» или указывалась профессиональная принадлежность, но с использованием прилагательного «бывший». Удельный вес данной группы в составе средних слоёв Тамбова, по данным конца 1917 г., составлял 10–12%. Примерно поровну среди них приходилось на мужчин и на женщин. По профессиональной принадлежности это были чиновники, учителя, судебные приставы, бухгалтеры, судьи и др. Представители духовенства, ранее значившиеся преподавателями светских учебных заведений города, теперь утратили возможность преподавать, поскольку были отменены соответствующие предметы в учебных учреждениях города.

В отношении около 20% представителей средних слоёв можно заметить, что если ранее они обозначали свою принадлежность к какой-либо профессиональной группе, то в «Списках...» в графе «Профессия» ими было указано «домовладельцы» или «домашнее хозяйство». Отмечается преобладание женщин в этой группе.

Что касается имущественной составляющей, то, без учёта инфляционных процессов в стране в целом, подавляющее большинство представителей средних слоёв – собственников сохранили недвижимость.

Сравнение «Списков граждан, имеющих право выбирать в Учредительное собрание (по г. Тамбову на 1917 г.)» с отдельными источниками

позволяет определить, как на численности тех или иных групп средних слоёв Тамбова сказались события февраля–октября 1917 г.

Одной из самых многочисленных групп средних слоёв Тамбова в предреволюционное десятилетие были владельцы недвижимости. Сравнение с данными окладных книг показало, что 54% владельцев недвижимости дореволюционного города остались в Тамбове и сохранили своё имущество. Интерес представляет то обстоятельство, что устойчивость женщин-владельцев недвижимости была выше, чем мужчин.

Наблюдается определённая зависимость степени «устойчивости» в зависимости от страты – чем ниже страта, тем меньше удельный вес «сопавших». Так, совпало 70% владельцев из числа высших средних слоёв, 57% – средних средних слоёв, 43% – низших средних слоёв. При этом в высших средних слоях остались 91% женщин-владельцев недвижимости и 55% – мужчин, в средней средней страте – 70% и 47% соответственно, в низших средних слоях – 49% и 38%.

Сопоставление данных списков избирателей в Учредительное собрание с Адрес-календарем на 1916 г. показало, что удельный вес оставшихся к концу 1917 г. в городе служащих из числа средних слоёв был ниже, чем группы владельцев недвижимости, и составил 47%.

Устойчивость женщин-служащих составляла 61%, мужчин – 47%. При этом интересно, что в отношении «устойчивых» служащих из числа средних слоёв дореволюционного Тамбова наблюдалась обратная закономерность – чем ниже страта, тем удельный вес оставшихся был выше: высшие средние слои – 54%, средние средние – 63%, низшие средние – 64%.

Очевидно, что значительное «выпадение» представителей средних слоёв, и прежде всего мужчин, было связано с продолжавшимися боевыми действиями Первой мировой войны и мобилизацией. Проведённое сравнение за 1912–1917 гг. показало сокращение численности в Тамбове младшего и среднего офицерского состава, чиновников низших классов чинов (скорее всего, по возрасту подлежавших призыву). Так, из 234 представителей младших и средних офицеров, бывших в составе средних слоёв в 1912 г., уже к 1916 г. только 35 человек остались в городе. «Выпадение» наблюдалось и по некоторым другим категориям служащих. Например, из 106 почтово-телеграфных чиновников, числившихся по этому ведомству в Тамбове в 1912 г., к 1916 г. остались только 35 человек, причём в основном представители высших и средних разрядов. Очевидно, что часть данной категории служащих также была мобилизована на нужды фронта. Основной процент «выпавших» служащих приходился на мужчин – представителей средней страты городских средних слоёв. Интерес также вызывает преобладание удельного веса «выпавших» в составе высшей страты служащих городских средних слоёв. Очевидно, что тяжёлые времена часть из них заставили покинуть город. Представители высшей страты средних слоёв располагали к этому большими возможностями, чем представители нижних страт.

О значительной циркуляции населения города в целом свидетельствуют статистические данные Тамбовской городской управы за 1914–1917 гг. Информация по прибытию и убытию свидетельствует о том, что ежемесячно с января 1914 г. по февраль 1917 г. город покидало в разные месяцы от 1,5 до 3,3 тысяч человек. Одновременно с этим город регулярно пополнялся новопривывшими, число которых превышало число выбывших. Ежегодный приток беженцев составлял около 9–10 тысяч человек⁸.

Проведённый анализ показал, что средние слои города не исчезли и в условиях неблагоприятной экономической ситуации, вызванной Первой мировой войной и революционными потрясениями 1917 г., но претерпели существенные качественные изменения. В период войны, в сравнении с довоенным временем, резко выросла доля представителей нижней страты городских средних слоев, которые по уровню доходов, качеству жизни, ментальным особенностям явно были гораздо ближе к необеспеченным «пролетарским» слоям города. Более того, как показывают специально проведенные исследования, представители средних слоев не только не смогли воспрепятствовать нарастанию революционных настроений в городах, но и способствовали им, став поставщиками участников революционных процессов. Кроме того, к 1917 г. рост городского населения значительно опережал рост численности средних слоёв, доля которых в составе населения города сократилась.

Оценка процессов социальной мобильности и обновления, шедших в средних слоях города, неоднозначна. С одной стороны, они свидетельствовали об открытости российского общества и динамичности его развития, с другой – были тесно связаны с маргинализацией городского «среднего класса». Процессы мобильности и обновления, являющиеся позитивными факторами развития общества, в сложной экономической и политической ситуации, сложившейся в России к 1917 г., усугубляли раскол средних слоёв города, что затрудняло формирование социальной идентичности, необходимой для выполнения социально-стабилизирующей функции, традиционно отводимой историей этим слоям. Значительное «выпадение» отдельных лиц из состава средних слоев служило продолжением латентной мобильности, становясь дополнительным дестабилизирующим фактором в кризисной ситуации 1917 г.

Список литературы:

1. Булдаков В. П., Иванов А. Е., Иванова Н. А., Шелохаев В. В. Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981.

⁸ Справочно-статистический ежемесячник Тамбовской городской управы. № 4–8, 11. Тамбов, 1914. С. 5–7; № 1–4, 9–12; Тамбов, 1915; № 1–2, 4, 6–12; Тамбов, 1916; № 1–2; Тамбов, 1917.

2. Булдаков В. П., Иванова Н. А., Шелохаев В. В. Место и роль городских средних слоев в буржуазно-демократических и социалистических революциях // Вопросы истории КПСС. 1981. № 7.
3. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
4. Востриков Н. И. Борьба за массы (Городские средние слои накануне Октября). М., 1970.
5. Гречкина Э. Р. Средние слои на пути к социализму. Таллинн, 1976.
6. Жиромская В. Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988.
7. Канищев В. В. Октябрьская революция и средние городские слои. Тамбов, 1988.
8. Красильников С. А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998.
9. Протасов Л. Г. Городские средние слои на выборах во Всероссийское Учредительное собрание // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне: межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 1984.
10. Селунская В. М. Социальная структура советского общества. История и современность. М., 1987.
11. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003.
12. Степин А. П. Социалистические преобразования общественных отношений городских средних слоев. М., 1975.
13. Ушаков А. В. Интеллигенция в России периода буржуазно-демократической революции (Профессиональный и политический состав) // Революционные движения демократической интеллигенции в период империализма. М., 1987.
14. Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972.
15. Чуйкина С. Дворяне на советском рынке труда (Ленинград, 1917–1941) // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы / под общ. ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2000. С. 151–192.

THE INFLUENCE OF THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917, CHANGES IN SOCIAL STRATIFICATION AND SOCIAL MOBILITY OF THE MIDDLE LAYERS OF THE PROVINCIAL RUSSIAN CITY (ON THE MATERIALS TAMBOV)

N. V. Strekalova

The Tambov State University of a name G. Derzhavin, chair of the Russian history, Tambov

The problems of social stratification and mobility of the middle layers of the provincial Russian town during the revolutionary events of 1917 in Russia. The reasons and directions of the mobility of the middle class city as a whole and its individual groups and strata, examines the impact of these processes of the First World War and the Revolution of 1917.

Keywords: *social stratification, social mobility, social structure, urban middle strata.*

Об авторе:

СТРЕКАЛОВА Наталья Валерьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

E-mail: strekalova@tsu.tmb.ru

Статья поступила в редакцию 09.10.2010